

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.80>

Чаплин Евгений Владимирович

ГИПОТЕТИКО-ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД ДЛЯ ОПИСАНИЯ МЕТОНИМИИ В СФЕРЕ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ

В статье представлен обзор существующих подходов к пониманию метонимии в рамках когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется рассмотрению метонимии как когнитивно-семантического механизма, как принципа неслучайной связи и как основы переводческой стратегии. Автором предложен подход, базирующийся на гипотетико-дедуктивном методе, семантическом и корпусном экспериментах. В ходе эксперимента уточняется описание семантики некоторых глаголов говорения, а также дается классификация метонимических переносов в сфере предикатов, репрезентирующих акт говорения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/80.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 381-386. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81`37

Дата поступления рукописи: 28.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.80>

В статье представлен обзор существующих подходов к пониманию метонимии в рамках когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется рассмотрению метонимии как когнитивно-семантического механизма, как принципа неслучайной связи и как основы переводческой стратегии. Автором предложен подход, базирующийся на гипотетико-дедуктивном методе, семантическом и корпусном экспериментах. В ходе эксперимента уточняется описание семантики некоторых глаголов говорения, а также дается классификация метонимических переносов в сфере предикатов, репрезентирующих акт говорения.

Ключевые слова и фразы: метонимия; метафора; когнитивно-семантическая структура; метонимический перенос; домен; принцип неслучайной связи; глагольная метонимия; глаголы говорения.

Чаплин Евгений Владимирович

Московский городской педагогический университет

evgenychaplin@yandex.ru

ГИПОТЕТИКО-ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД ДЛЯ ОПИСАНИЯ МЕТОНИМИИ В СФЕРЕ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ

Как неоднократно отмечали исследователи, в сознании человека происходят разного рода ментальные операции по организации и систематизации знаний в определенные когнитивные структуры, отражающиеся в нашем сознании в виде готовых схем/моделей. Результатом проведенных над данными когнитивными структурами ментальных операций становятся процессы *метонимизации* и *метафоризации*. В основе этих процессов лежит поиск предметов или явлений по аналогичным, сходным характеристикам, присущим данным объектам. На сегодняшний день, несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию когнитивной метонимии [7; 13; 16; 19; 20], интерес ученых к ее изучению не ослабевает, а напротив, усиливается. Однако многие вопросы, связанные с описанием семантики глагольной метонимии, по-прежнему остаются дискуссионными и требующими дальнейшего изучения.

Цель настоящей статьи заключается в анализе и интерпретации существующих подходов к пониманию метонимии в когнитивной лингвистике, построении классификации метонимических переносов в сфере предиката, а также описании семантики некоторых глаголов говорения с использованием гипотетико-дедуктивного метода. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие **задачи**:

- 1) поиск, анализ литературы по исследуемой теме, применение полученных сведений к глагольной метонимии и глаголам говорения;
- 2) сбор примеров употребления анализируемых лексических единиц в речи (письменной и устной) носителей языка;
- 3) индуктивное обобщение отобранных контекстов, а также выделение групп с фиксацией дифференциального признака, по которому они противопоставляются друг другу (предварительная «разметка» материала);
- 4) формирование репрезентативной выборки, в которой исходная лексическая единица заменяется на синоним, и предъявление данных примеров информанту для оценки их правильности или неправильности с точки зрения его языковой компетенции;
- 5) анализ результатов эксперимента (получение «отрицательного языкового материала», который служит основой для выдвижения гипотезы о сущности различий в семантике исследуемых единиц);
- 6) построение новой экспериментальной выборки с учетом различий в семантике исследуемых единиц, в которую включаются примеры в соответствии с выдвинутой гипотезой;
- 7) предъявление данной выборки примеров информанту для его оценки по шкале правильности/неправильности полученных высказываний;
- 8) анализ результатов эксперимента и окончательное подтверждение гипотезы (проверка заключается в соотношении опытных данных двух экспериментов с предварительной «разметкой исследователя» и запросами в поисковых системах “Google” и “Yandex”);
- 9) построение классификации метонимических переносов в сфере предиката на основе выявленных различий в семантике исследуемых глаголов.

Таким образом, в работе используется современная исследовательская методика триангуляционного подхода, совмещающая гипотетико-дедуктивный метод, основу которого составляет семантический эксперимент, использование корпусного эксперимента и обращение к ведущим поисковым системам, что обеспечивает высокую степень валидности полученных результатов.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена относительно слабой изученностью рассматриваемой группы предикатов и отсутствием работ, посвященных анализу семантики исследуемых единиц. Между тем данные глаголы обладают большим потенциалом при описании акта говорения, поскольку те внеязыковые ситуации, которые они описывают, являются одновременно и языковыми, в связи с *ситуацией высказывания*.

Научная новизна исследования заключается в том, что в статье впервые и последовательно к описанию семантики глаголов говорения применяется гипотетико-дедуктивный метод в сочетании с семантическим и корпусным экспериментами.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования предлагаемой методики на материале иных лексико-семантических групп и других языков.

Одними из первых ученых, обратившихся к изучению метонимии в рамках когнитивной лингвистики, можно считать Дж. Лакоффа и М. Джонсона с работой «Метафоры, которыми мы живем». Стоит, однако, отметить, что авторы рассматривали метонимию преимущественно на фоне метафоры (метонимия рассмотрена только в одной из 30 глав), подчеркивая необходимость разведения этих понятий и указывая, что метонимия и метафора являются разными *видами* процессов [9, с. 62]. По мнению авторов, если основная функция метафоры заключается в обеспечении понимания, то метонимии присуща в основном референциальная функция (в ее случае одна сущность используется для отсылки к другой). В то же время Дж. Лакофф и М. Джонсон опровергают свою точку зрения словами, что «метонимия – это не только референциальный прием. Она также служит пониманию» [Там же]. В качестве примера авторы приводят предложение “*The Times hasn’t arrived at the press conference yet*”. / букв. «Газета “Таймс” еще не появилась на пресс-конференции», где, по их мнению, «выражение *The Times* используется не только для обозначения какого-то журналиста этой газеты, но также указывает на важность учреждения, представляемого этим журналистом» [Там же].

На референтный характер метонимии указывалось также в ряде работ [3; 11; 24; 25]. Однако, как представляется, сведение метонимии исключительно к выполнению референциальной функции сужает ее понимание, что противоречит мнению о ней как о когнитивном механизме в сфере концептуализации категорий [27].

К.-У. Пантер и Л. Торнбург считают, что метонимия включает не только референциальное использование языка, но также широко распространена в предикациях и речевых актах [26, р. 333-357]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Тернера, основное расхождение между метонимией и метафорой заключается в том, что первая включает в себя только один концептуальный домен, внутри которого и происходит метонимический перенос, тогда как во второй присутствуют два концептуальных домена, один из которых понимается в терминах другого [25, р. 103]. Подобную интерпретацию метонимии как сдвига в пределах одного домена разделяют также и другие исследователи [27]. Существует иная точка зрения, согласно которой метонимический перенос определяется шире и может происходить внутри **доменной матрицы**, представляющей собой комбинацию доменов одного концепта [24, р. 273, 281], ср., например, Пушкин как человек и как автор: *прочитать всего Пушкина*, т.е. прочесть все литературные произведения, написанные Пушкиным [20].

А. Барселона рассматривает метонимию как сложный когнитивный механизм и определяет ее на основе двух критериев: 1) источник и цель относятся к одному концептуальному пространству; 2) источник и цель связаны функционально-прагматическими отношениями [23, р. 236-240]. Ср., например, метафору *Ахиллес – лев* и метонимию *Он пал на войне*. Несмотря на принадлежность к общему домену *живые существа* и наличие общих сем в значениях, концепты *Ахиллес* (цель) и *лев* (источник) не обладают функционально-прагматической взаимозависимостью, которая обнаруживается в приведенной паре глаголов, связанных метонимическими отношениями *пасть – погибать, быть убитым* [23, р. 236-240].

Ф. Руиса де Мендоса выделяет два основных типа метонимии: первый, где исходный домен является поддоменом цели, и второй, где цель является поддоменом источника. Примером первого типа является метонимия типа *инструмент – человек, играющий на нем* (например, *бас не будет играть на концерте*), и пример другого – метонимия типа *контейнер – содержимое* (например, *давайте выьем еще одну бутылку*) [28, р. 13]. Как отмечает исследователь, эти два основных метонимических типа связаны с двумя основными когнитивными операциями: **расширением домена** (domain expansion), ср.: *Пушкин на верхней полке* (о книге) – и **уменьшением домена** (domain reduction), ср.: *Пушкин тяжело читается* (об авторе), комбинация которых может приводить к двойному метонимическому сдвигу [20].

Далее Н. С. Трухановская указывает, что «расширение домена *произведения Пушкина* можно трактовать как переход в другой домен, поскольку ситуация *Пушкин на верхней полке* получает дополнительную пространственную интерпретацию, и домен *произведения Пушкина* квалифицируется, таким образом, как доменная матрица, в пределах которой происходит сдвиг концептуализации» [20, с. 42]. Вместе с тем Д. Н. Шмелев отмечает, что выражения типа *читал Пушкина, слушал Бетховена* и т.д. можно рассматривать только как метонимическое применение слов, а не с точки зрения метонимических изменений значений слов [22, с. 101].

В сборнике статей «Метонимия в языке и мышлении» [26] под редакцией К.-У. Пантера и Г. Раддена, представляющем современный «отчет» о метонимических исследованиях, разделяются предположения предшествующих исследователей о том, что «метонимия является когнитивным механизмом, “фигурой мысли”, лежащей в основе нашей обычной концептуализации мира и являющейся составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения» [9, с. 63]. Метонимия, по мнению авторов, – более основополагающее явление для мышления, чем метафора, поскольку, как представляется, «“устроена” сложнее, чем метафора» [18, с. 107].

Схожие идеи развивали в своих трудах и отечественные ученые. Так, Е. С. Кубрякова указывала на исключительную роль метонимии в процессах мышления, поскольку «увлеченные метафорой и посвятившие ей столько публикаций, мы как бы отодвинули на задний план метонимию» [8, с. 89-90]. Е. В. Падучева рассматривала метонимический перенос как сдвиг фокуса внимания при описании одной и той же ситуации, когда какой-то элемент подчеркивается и выделяется, а другой остается в тени, что связано с актуализированными отношениями типа причина-следствие, часть-целое и др. [13]. Автор выделяет три типа метонимических

переносов, и что особенно важно, в данной работе рассматривается не только предметная метонимия, но и метонимия в сфере предиката.

О. А. Сулейманова и Н. Н. Беклемешева, рассматривая в первую очередь переводческую метонимию, указывают на регулярность метонимических переносов, создающихся на основе принципа *неслучайной связи*. По их мнению, «метонимия может быть рассмотрена как языковой механизм замещения слова другим, находящимся с ним в определенного рода (не случайных) отношениях» [17, с. 89], ср., например, *Мальчик обсуждал интересную книгу в классе. Он дружит с автором*, – где предложения объединены общим смыслом именно по причине наличия *неслучайной связи* между книгой и ее автором. Ср. также *Мальчик обсуждал интересную книгу в классе. Он дружит с летчиком*, – где последовательность высказываний не обладает смыслом по причине отсутствия обязательной связи между книгой и летчиком [Там же, с. 90].

В настоящий момент в когнитивной лингвистике разработан терминологический аппарат описания когнитивных механизмов метонимии, используемых для ее исследования с различных сторон. Однако, несмотря на то, что глагольная метонимия все чаще попадает в поле зрения ученых, в большинстве работ рассмотрению подвергаются преимущественно модели метонимии существительных и прилагательных [5; 12; 14; 21].

Отметим, что уже у Д. Н. Шмелева встречаются примеры глагольной метонимии: *рубить поленья* и *рубить дрова*, – где, по утверждению ученого, «в одном случае объектом является предмет, подвергаемый воздействию, в другом – в качестве объекта выступает обозначение предмета, создаваемого соответствующим действием» [22, с. 99]. Как представляется, существительные *поленья* и *дрова* взаимодействуют здесь как *результат действия* и как *объект действия* глагола *рубить*, тогда как сам глагол не представлен в двух значениях, соотносимых метонимически [18, с. 107]. Подобные метонимические переносы свойственны и другим глаголам, ср.: *косить траву – косить сено; копать глину – копать яму; рыть землю – рыть окопы; варить рыбу – варить уху; разжечь дрова – разжечь костер* и т.п. [22, с. 99]. При этом, как отмечает Д. Н. Шмелев, «далеко не всякое применение слова на основе ассоциации по смежности может быть расценено как появление у слова нового значения» [Там же]. Свою точку зрения ученый объясняет тем, что в языке существует закономерность, позволяющая использовать название местности, помещения, учреждения и т.д. для обозначения совокупности находящихся в ней людей [Там же], ср., например, *вся аудитория/площадь молчала, стадион скандировал кричалки, зал аплодировал* и др.

Ю. Д. Апресян отмечает, что в ситуациях типа *натопить₁* – нагреть топкой (*натопить печь*) и *натопить₂* – кипятя или растапливая, приготовить в каком-нибудь количестве (*натопить воск, жир*), данные глаголы относятся не к омонимам, а к метонимически и функционально мотивированной полисемии. Автор обосновывает это тем, что общий семантический компонент *жидкое* у глаголов *топить₁* и *топить₂* есть, но он выполняет разные функции в их семантических структурах [2, с. 184-185].

Е. Л. Гинзбург, исследуя глагольную метонимию, случаи типа *порез на руке зажил – рана зажила, листва на дубе облетела – дерево облетело, вытирать пот со лба – вытирать пот – вытирать лоб* и др. определяет как вторичную глагольную метонимию, представляющую собой лексическую вариацию глагола, связанную непосредственно с метонимией существительных [4, с. 48-49]. Ср. также *Он завязал туфли*, в которой также можно наблюдать сдвиг в значении глагола. Однако Н. Г. Агеева, напротив, отмечает, что подобные ситуации, а также случаи типа *завязать шнурки на ботинках – завязать ботинки* являются предметной метонимией, а не глагольной. По ее мнению, существительное осмысливается как синекдоха – со сдвигом значения от целого *ботинки* к части *шнурки*, поэтому глагол не меняет своего значения [1, с. 27].

Рассматривая практическое применение метонимии в сфере перевода, О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. выделяют две разновидности глагольной метонимии – *причинно-следственную* и *обстоятельную* [18, с. 124]. В первом случае между членами метонимической пары устанавливаются причинно-следственные отношения различных типов, например, *действие – результат/состояние* (*he is still here – он был еще здесь* (следовательно) *он еще не ушел*); *результат – причина* (ср. *to smell: нюхать – пахнуть, He smells the flower* и *The flower smells well – цветы хорошо пахнут*, следовательно, *кто-либо их нюхает*; и др.) [Там же, с. 124, 130, 212]. Во втором случае устанавливаются отношения между действием и его сопутствующей акустической, визуальной, поведенческой и иной характеристикой, где сопутствующий признак выступает репрезентантом всего действия. Например, *звуковые эффекты – she hisses fiercely* (она яростно шипит) – *шептать, издавая шипящие звуки*; *зрительное воздействие – to flash a smile* (вспыхнуть улыбкой) – *засверкать улыбкой*; *интенсивность, скорость протекания действия – to sip* (прихлебывать/потягивать) – *пить мелкими глотками* (с характерным звуком) и др. [Там же, с. 125]. Как отмечают авторы, «при переводе эти вторичные (сопутствующие) параметры могут взять на себя функцию основных, и тем самым репрезентировать само событие, ситуацию» [17, с. 91].

Данная особенность применима и к глаголам говорения, например, *Боже мой, какой «угод», – она очень смешно картавила* (С. Спивакова. Не всё. 2002) [10], – где признак, сопутствующий акту говорения (картавость), вносит информацию о «дефектном» произношении и замещает собой весь акт говорения. Тем самым мы снова возвращаемся к идее *неслучайной связи* между предикатами, находящимися в *неслучайных/метонимических* отношениях.

Таким образом, на сегодняшний момент в лингвистике в области когнитивной интерпретации метонимии значимы следующие подходы:

- 1) языковая метонимия отделена от ее литературоведческого понимания как одного из тропов [9; 13; 15; 22];
- 2) метонимия понимается как сложный когнитивный механизм, являющийся частью мышления, способов речи и поведения, и реализуется в виде переноса в рамках одного домена, создания доменной матрицы и др. [8; 15; 19; 23-28];

3) метонимия построена на принципе *неслучайной связи* [17];

4) метонимия составляет основу переводческой стратегии и разделена на два типа – причинно-следственную и обстоятельственную [18-20].

Исследование метонимии, а конкретно глагольной, уже не носит фрагментарный характер, однако описанию метонимических переносов в сфере глаголов говорения уделено мало внимания. Исследуемые глаголы многозначны, обладают сложной семантической структурой, могут иметь несколько дополнительных значений и употребляться в текстах различных стилей. Целый ряд примеров иллюстрирует тот факт, что образованию новых значений глаголов способствуют **метонимические переносы**, ср. *мямлить*, *бубнить*, *лепетать*, *заикаться*, *картавить*, *запинаться* и др., представляющие собой обстоятельственную метонимию. Например: – *Вот... Бумага собралась – жечь надо, если... – промямлил Козлов, кисло глядя на Мальцева: ведь он уже чист, что еще?* (А. Терехов. Мемуары срочной службы. 1991) [10], – где глагол **промямлил** репрезентирует акт говорения, характеризуя речь как *невнятную, медленную, бессвязную* (процесс говорения выражен в тексте графически). Ср. также **Пргелесть!** – *прокартавил Гольдман и зачмокал губами. Чернов хихикнул, думая, что тот шутит* (С. Юрский. Чернов. 1972-1978) [Там же], где глагол **прокартавил** указывает на врожденный дефект речи героя, в результате которого он говорит картаво, т.е. неправильно, нечисто произносит звуки «р» или «л» (что также представлено в тексте графически). В данных примерах вторичные языковые признаки, вносящие информацию о «дефектном» произношении (*невнятность, нечеткость произнесения звуков и/или неверное произношение звуков «р» и «л»*), выполняют функцию основных, тем самым репрезентируя весь акт говорения.

В ходе анализа глаголов говорения с использованием триангуляционного подхода нами получены данные, позволяющие классифицировать их по различным основаниям. Например, глаголы *картавить*, *заикаться*, *шепелявить* репрезентируют речь как с врожденным, так и с приобретенным дефектом речевого аппарата; глаголы *шамкать*, *гундосить*, *гнусавить* – только приобретенный (отсутствие зубов, травма носовой перегородки, насморк и т.д.). Глаголы *гундосить*, *гнусавить* также репрезентируют специфическую манеру речи, характеризующуюся особой артикуляцией. Глагол *грассировать* описывает раздражительную манеру говорения (т.е. говорить, картавя, на французский манер) и не может быть отнесен к врожденному/приобретенному дефекту речевого аппарата. Глаголы *бубнить*, *бормотать*, *лепетать*, *лопотать*, *бурчать*, *мямлить* описывают специфическую манеру говорения, характеризующуюся четкостью/нечеткостью произнесения отдельных звуков, а также иными дополнительными параметрами артикуляции. Для глагола *гаркать* значимым является критерий громкости, а для глаголов *лепетать* и *лопотать* – тихости, плавности (наподобие шелеста, шепота, шороха) произнесения слов. Критерий отсутствие «ожидаемой» преграды при произнесении звуков значим для глаголов *шамкать*, *шепелявить*, описывающих речь с шепелявостью и пришептываниями (обычно из-за отсутствия зубов), в результате чего говорящий может произносить свистящие звуки [с] и [з] подобно шипящим [ш] и [ж], ср. *Куришь фто е? – прошамкал тот. – Не курю, отец...* (В. Доценко. Срок для Бешеного. 1993) [Там же]. Кроме этих групп значений, ряд глаголов говорения, например, *картавить*, *грассировать*, *шамкать*, *шепелявить*, *гундосить*, *гнусавить*, способны вносить информацию о сознательно воспроизводимой манере и/или особенности речи говорящего. Ср. *Для убедительности своего французского произношения я трясла руками, пытаясь картавить, как могла* (Э. Гросс. Прыжок в высоту. 2018) [Там же].

Также нами была уточнена семантика некоторых глаголов говорения. Например, глагол *бубнить/пробубнить* репрезентирует ситуации, когда кто-то говорит *глухо, быстро, монотонно, однообразно, долго, нудно, ворчливо, недовольно, раздражительно и неразборчиво* [6]. Ср. также *Два или три высоких правительственных чиновника пробубнили что-то раздраженное для иностранной прессы* (В. Баранец. Генштаб без тайн. 1999. Кн. 2) [10]. В выражениях типа *бубнить с набитым ртом* обозначается речь героя, жующего пищу, и вносится информация о невнятной, тихой речи, связанной с наличием преграды для четкого произнесения звуков.

Глаголы *лепетать/пролепетать* описывают манеру речи (звуковую сторону акта говорения) и репрезентируют *бессвязную, неразборчивую речь* (о детях); *тихую, неразборчивую и невразумительную, с неясным и нечетким произношением отдельных слов; сбивчивую* [6], когда говорящий с трудом подыскивает слова или находится в «слабой» и/или подчиненной коммуникативной позиции. Ср. *...лепетал бледный Сеня, пытаясь вырваться* (В. Синицына. Муза и генерал. 2002) [10], где на передний план выдвигается описание манеры и характера говорения субъекта речи, а также сообщается о «слабой» коммуникативной позиции говорящего.

Глаголы *мямлить/промямлить* вносят информацию о том, что субъект *говорит медленно, запинаясь, оправдываясь* (процесс говорения эксплицитирован дополнительными элементами контекста), *вяло, едва шевеля губами, невнятно и нечетко* [6], ср.: – *Я просто не знал... Я просто... – Хватит мямлить! – отрезала она* (И. Наумов. Гарлем – Детройт. 2007) [10], где глагол **мямлить** репрезентирует акт говорения и сообщает также об оценке речи (или коммуникативных способностей) собеседника со стороны говорящего.

Таким образом, анализ литературы показал, что подходы к пониманию метонимии, в частности глагольной, в когнитивной лингвистике активно развиваются и интерпретируются, получая все новые импульсы к дальнейшему изучению. Предпринятая попытка рассмотрения метонимии с точки зрения когнитивного, семантического и переводческого подходов позволила глубже раскрыть процесс метонимизации, понять природу вовлеченных в данный процесс элементов и выявить их закономерности.

В ходе анализа семантики глаголов говорения, способами образования значений которых являются метонимические и метафорические переносы, с помощью гипотетико-дедуктивного метода исследования установлено, что данные модели активно участвуют в образовании новых значений глаголов и эффективно репрезентируют акт говорения. Проанализированные глаголы вносят информацию о различных сторонах речи (*наличии/отсутствии речевых дефектов, манере, акустических особенностях, коммуникативной ситуации,*

субъекте речи и др.), содержат в своем значении «дополнительные» параметры/смыслы (указание на настроение говорящего, эмоциональную оценку ситуации, отношение к высказыванию и/или к собеседнику, оценку коммуникативных навыков собеседника и др.).

Также установлено, что признаки, сопутствующие акту говорения и вносящие информацию в семантику глагола о «дефектном» произношении (*четкость/нечеткость произнесения звуков и/или неверное произношение звуков, тихость/громкость, плавность, глухость* и другие речевые особенности), выполняют функцию основного процессуального действия (акта говорения), тем самым метонимически либо метафорически репрезентируют весь акт говорения.

Предложенный способ описания семантики глаголов, основанный на применении гипотетико-дедуктивного метода, видится перспективным не только для глаголов говорения, способом образования значений которых являются метонимические и метафорические переносы, но и для предикатов других лексико-семантических групп и других языков. Таким образом, можно утверждать, что исследование глагольной метонимии становится одним из перспективных направлений в когнитивной лингвистике.

Список источников

1. Агеева Н. Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. К., 1990. 199 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: избранные труды: в 2-х т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. 472 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
4. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке: таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985. 223 с.
5. Жданова Е. А. Метонимия как вид лексико-семантического способа деривации в сфере имен существительных в русских говорах Удмуртии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 6. С. 206-213.
6. Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 10.09.2019).
7. Козлова Е. А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2001. 154 с.
8. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия: сб. статей. М.: Наука, 1992. С. 84-90.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.09.2019).
11. Новиков А. Л. Метонимия в русском языке. Семантическая структура. Словообразовательный потенциал. Стилистические функции: дисс. ... к. филол. н. М., 1996. 179 с.
12. Новиков А. Л. Таксономия метонимии в русском языке (имена существительные) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2002. № 3. С. 101-114.
13. Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии [Электронный ресурс] // Диалог 2003: труды международной конференции (г. Протвино, 11-16 июня 2003 г.). URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf> (дата обращения: 28.08.2019).
14. Резяпова Н. Ф. Метонимия в новой газетно-публицистической и разговорной лексике современного немецкого языка (на материале имен существительных, прилагательных и глагольной лексики): дисс. ... к. филол. н. М., 1994. 194 с.
15. Рунова Н. В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка): дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2006. 247 с.
16. Солодилова И. А. Метонимия: границы феномена // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1. С. 53-57.
17. Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н. Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3 (7). С. 87-92.
18. Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н., Карданова К. С. и др. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов. М.: Академия, 2010. 240 с.
19. Трухановская Н. С. Метонимический сдвиг как когнитивный механизм концептуализации денотативной ситуации // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. Вып. 17. С. 121-125.
20. Трухановская Н. С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации: в сфере предикатов физического воздействия: дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 280 с.
21. Чернявская Н. А. К вопросу о когнитивных основаниях метонимии (онтолингвистический аспект) // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 77-83.
22. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
23. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Driven, R. Pörings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. P. 209-277.
24. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed. by D. Geerarts. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2006. P. 269-302.
25. Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 230 p.
26. Metonymy in language and thought / ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam – Philadelphia: J. Benjamins, 1999. 423 p.
27. Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy // Metonymy in Language and Thought / ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam – Philadelphia: J. Benjamins, 1999. P. 17-59.
28. Ruiz de Mendoza F. J. High-Level Cognitive Models: In Search of a Unified Framework for Inferential and Grammatical Behavior // Perspectives on Metonymy / ed. by K. Kosecki. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. P. 11-30.

HYPOTHETICAL-DEDUCTIVE METHOD TO DESCRIBE METONYMY IN THE SPHERE OF VERBS OF SPEAKING

Chaplin Evgenii Vladimirovich

Moscow City University

evgenychaplin@yandex.ru

The article provides a survey of the existing approaches to understanding metonymy through the prism of cognitive linguistics. Special attention is paid to studying metonymy as a cognitive-semantic mechanism, as a principle of nonrandom relation and as a basis of translation strategy. The author proposes an approach based on a hypothetical-deductive method, semantic and corpus-based experiments. Relying on experiment results, the researcher clarifies the semantics of certain verbs of speaking and introduces a classification of metonymic transfers in the sphere of the predicates representing a speech act.

Key words and phrases: metonymy; metaphor; cognitive-semantic structure; metonymic transfer; domain; principle of nonrandom relation; verbal metonymy; verbs of speaking.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 05.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.81>

В соответствии с целью работы – определение концептуальной основы специфики этнокультурного фрагмента (ЭФ) тезаурусного уровня языковой личности (ЯЛ) – представленный лингвистический материал направлен на обоснование мысли о том, что ЭФ – это совокупность этнически маркированных когнитивных языковых моделей, формирующихся в сознании носителя языка как результат закономерностей репрезентации мира в процессе его эмоционально-чувственного, архетипического, религиозного и нравственно-философского восприятия и осмысления действительности.

Ключевые слова и фразы: языковая личность (ЯЛ); этнокультурный фрагмент (ЭФ); концептуальная основа; когниция; тезаурусный уровень.

Шогенова Марина Чашифовна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

shog-marina@yandex.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФРАГМЕНТ ТЕЗАУРУСНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблема выявления специфики развития языковой личности (ЯЛ) относится к одной из значимых в современной антропоцентрической парадигме и является актуальной в лингвистических научных изысканиях, среди которых вопрос определения этнокультурных особенностей языковой личности представляется огромным исследовательским полем. Статья посвящена рассмотрению этнокультурных характеристик языковой личности, представляющей современную Кабардино-Балкарию, в которой, несмотря на сосуществование в единой пространственной и временной системе многообразных типов культур и традиций, титульные народы – кабардинцы и балкарцы – стремятся к максимальному сохранению этнической самобытности, традиций, культуры, языка, утверждению собственного мироощущения и мировидения. По словам О. Р. Тучиной, «этническая культура – это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир... именно этнокультурная традиция во многом определяет особенности бытия человека, его систему личностных смыслов» [12, с. 220].

Актуальность рассмотрения языковой личности с позиции такого аспекта связана с когнитивной деятельностью человека, результаты которой отражаются на процессах концептуализации мира и вербализации знаний именно в этническом сознании человека, так как культура, рожденная в национальных недрах, представляется мощным средством самовыражения, способом проявления человеком своей значимости в окружающем мире, статуса и идентичности в многообразном пространстве человеческого бытия. Однако важно определить показатели выявления этнокультурного фрагмента в структуре языковой личности как результата ее когнитивной деятельности, репрезентированной в языке в виде культурно обусловленной системы ценностей. Следовательно, **научная новизна** заключается в том, что впервые делается попытка рассмотреть этнокультурный фрагмент лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня в структуре адыгской и балкарской языковой личности как их ценностной духовной концепции, выявить критерии определения «этнокультурности» в конструкции ЯЛ, формирующейся и развивающейся в Кабардино-Балкарии. В связи с этим в работе ставится **цель** – рассмотрение концептуальной основы выявления специфики этнокультурного фрагмента (ЭФ) тезаурусного уровня ЯЛ, представителя кабардинского и (или) балкарского народов, титульных наций Кабардино-Балкарии. Указанная цель определяет **задачи** исследования: на материале адыгской и балкарской языковой личности 1) рассмотреть языковые единицы, зафиксированные в мышлении языковой личности как концепты культуры, в которых эксплицируется специфика репрезентаций результатов ее когнитивного осмысления окружающего